

НА МОСКОВСКОЙ сводной афише фамилия Вампилова появляется регулярно: поставлено четыре его спектакля. Напечатано в последнее время много статей о Вампилове. Пьесы его вышли в издательстве «Искусство». Были опубликованы в журналах и альманахах «Театр», «Ангара», «Сибирь». Всего четыре «большие» и две одноактные. Еще одна маленькая была опубликована десять лет назад в журнале «Театр». Это хороший «набор» для писателя до 35 лет. Успех спектаклей, интерес к пьесам — все заставляет нас верить, что драматургия Вампилова прочно войдет в репертуар советских театров. Но это впереди. Сейчас нам важен Вампилов — сегодняшний драматический писатель. Тем более, что Вампилов — это действительно сегодня, обязательно сегодня.

В пьесах его есть и азарт молодости, и ее нетерпимость. Тем не менее все работы Вампилова отмечены высоким ранним профессионализмом. От «Прощания в июне», первого его большого драматургического произведения, через «Старшего сына» и «Прошлым летом в Чулимске», через одноактные пьесы — до самой трудной, «Утиной охоты». Меняется в пьесах способ отражения мира. Точка же первоначального отсчета остается единой. Это добрый, трогательный, даже возвышенный взгляд на людей, на человеческие отношения. Год за годом путь, проходимый писателем, все сложнее. А приемы изложения все неистовей. Но уровень мастерства одинаков. Одинаково высокий. И характер драматургии тот же. Это не пьесы настроений, имеющие, как правило, несколько аморфную форму, которые создают начинающие. И не произведения, где поиски конструкций формы превалируют над разработкой содержания, — обратная сторона той же медали.

Если задуматься об учителях Вампилова, о тех, кому он подражал и следовал, прежде всего вспоминаешь драматургию Чехова. Полифонию чеховских диалогов. Глубину и закрытость его подтекстов. Горьковскую сочность характеров, наглядную их выпуклость. Видится леоновское в иных интонациях пьес Вампилова. Боль «Нашествия» или смятенность чувств «Метели». В глубь психологии героев, смело раскрывая сложнейшие движения души, — вот путь Вампилова.

Когда подряд читаешь произведения Вампилова, именно читаешь, а не смотришь на сцене, в них оказывается сосредоточенной боль, боль, боль здорового и сильного человека. Боль, порой где-то становящаяся болезненной. Может быть, за ней стоит юношеская боязнь быть непонятым в творчестве? Хотя в пьесах ощущается твердая, жесткая рука зрелого писателя...

Вампилова волнуют характеры, поставленные в острые, порой анекдотические (если не сказать — парадоксальные) ситуации. Это во многом предопределяет путь сценического прочтения его пьес. Направление пути. Вампилов на столичной сцене, в своих пьесах, написанных одним пером, совершенно разный.

Лет десять назад Вампилов написал коротенькую пьесу-сценку «Дом окнами в поле». В этом доме живет молодая женщина, заведующая молочной фермой. Поздно вечером к ней заходит школьный учитель — проститься. Проработав после института три положенных года на селе, он отбывает в город. Они как будто и нравились друг другу... Теперь он уезжает. А она вдруг почувствовала, что вот-вот навсегда утратится их еще не сформированная судьба. А шофер автобуса, устав дожидаться, сигнализирует за окном...

Уже здесь, в пьесе скромной, — на профессиональной сцене не ставившейся, были точность и ненавязчивость построения, было ощущение предыстории

характеров. И женщины, тоскующей в глуши. И учителя, которого по привычке манят огни города... Прекрасен был русский язык, которым говорят герои.

Вампилов относится к тем писателям, которые слышат. Не конструируют похожие на разговорную речь фразы, а точно фиксируют сегодняшний диалог. Может быть, потому, что сами так говорят. Но ведь и себя самого надо услышать...

Московский театр имени М. Н. Ермоловой, ставя пьесу «Старший сын» (она издавалась и под названием «Предместье»), продолжает эту линию творчества Вампилова. Из емкого сосуда его драматургии театр черпает воду прозрачную и целебную.

...Два подвыпивших молодых парня, один по фамилии Бусыгин, другой по кличке Сильва, в итоге своих неудачных донжуанских походов оказываются в предместье города в тот момент, когда ушла последняя электричка. В поисках ночлега они «прорываются» в дом к Сарафанову, по странной склонности Бусыгина к мистификации выдавая его, Бусыгина, за старшего, будто бы никогда не виденного отцом сына. Далее историю эту можно прочитать как трагедию отвергнутого жестокими детьми слабого сердца, вдруг прилепившегося к тоже сломанному обстоятельствами жизни юноше. И это не будет вопреки пьесе.

Страстный музыкант — Сарафанов воевал в артиллерии, и грохот гаубиц повредил его слух. Любящий семьянин — жена оставила его, прочно квалифицировав как «блаженного». Рачительный отец — он на наших глазах теряет детей, готовых убежать от него на край света. Что может быть печальнее подобного жизненного итога? И тем не менее молодой писатель устами самого, казалось бы, циничного своего героя говорит в финале: «Нет уж, не дай-то бог обманывать того, кто верит каждому твоему слову». Такова жажда доверия, самоотвержения, таящаяся в глубине произведения.

Вот эту-то прочно скрываемую приверженность доброте и прочитал театр (режиссер Г. Косюков). Он поверил определению жанра пьесы «Старший сын» как комедии. История старика музыканта, которого оставляют за ненадобностью дети, становится на сцене не то чтобы смешной, но уж во всяком случае не страшной. Помогло в этом и распределение ролей. Сарафанова играет артист Юрий Медведев, по самой природе своего дарования неизбежно добрый на сцене. И краски спектакля светлые. Театр выстраивает на сцене веселый мир свежескрашенными деревянными домиками с пестрыми занавесочками, тесный мир, из которого, естественно, рвутся в даль и высь подростки-птенцы, но о котором навсегда сохраняют нежную память. Потому что здесь их гнездо.

Так темой спектакля, сыгранного просто и сердечно, становится торжество добра, «лечащего» души заблудшие, сердца больные. И все-таки даже в этой пьесе Вампилова таится внутренняя жесткость. Герои его других пьес, в большинстве своем странные и трудные люди, делают зло прежде всего себе самим. Здесь же удар наносится по слабому человеку, отцу... Одинокому старику ничто, казалось бы, не грозит. Старость его обеспечена. Автор рассматривает и обсуждает нравственные (законом не наказуемые!) проступки людей.

Строя свои драматургические композиции, Вампилов тяготеет к сложным, судьбам, острым коллизиям. В одной пьесе дети бросают старика отца. В другой — парень, любя девушку, силой добивается ее близости. В третьей — покаяние человека, шесть лет не писавшего матери и приехавшего к ней с накопленными деньгами, когда она уже умерла. Сюжеты столь сильнейшие, что употребление их в художественной литературе должно быть оправдано высотой

нравственных задач, которые ставит перед собой писатель. Вампилов чужд дешевых внешних эффектов. Но обаяние в неожиданных и острых ситуациях характеры, писатель предъявляет к своим героям, к каждому человеку высочайшие нравственные критерии, свойственные советскому обществу.

«Прошлым летом в Чулимске» исполняется тем же театром в более сложной оркестровке. Эта пьеса — одна из трудных в современной драматургии. Утверждение, страстное требование активного добра, активности положительных сил жизни писатель ведет через любовную трагедию девушки, почти ребенка. Город Чулимск в спектакле режиссера В. Андреева встает перед нами в спокойной и даже привлекательной обыденности и в суете, неторопливой провинциальной

существование мужественного и нежного Вампилова. Легкоранимого, однако умеющего за добро и постоять.

«Прощание в июне» — самая первая пьеса драматурга. В ней есть заметки смелой образности, есть излюбленные писателем характеры. Однако в «Прощании в июне» еще слишком много того, что принято по шаблону считать необходимым для произведения о молодости, для «студенческой» пьесы. По существу, оно-то и составляет основу. Студенческая свадьба, ссоры и примирения, сомнения тех, кто делает первые шаги по жизни. Их конфликты с местным «злодеем» ректором, вся вина которого в стремлении наладить несколько старомодный порядок среди шумливой студенческой братии.

Словом, то, что стало впоследствии «театром Вам-

пилова, что еще может его стать. Но нет. «Замороженность» благополучем продолжается. И хотя герою оно уже и не нужно, морона кажущейся легкости и безнаказанности держит прочно и незаметно.

Надо ли говорить об остроте проблем, поднятых Вампиловым? Молодой писатель в этой пьесе смело использует трудный прием — утверждение отрицанием, разоблачая подспудное течение мысли, глубинные страсти героя, для того чтобы воскликнуть: глядите, вот мера падения человека, преступившего привычные законы нашей нравственности! С каким-то даже азартом отчаяния взрывает изнутри благополучные на первый взгляд характеры Вампилов, показывая истинные, корыстные причины пребывания героев рядом с Зиловым. Но мы-то, не в пример герою, знали, знали все заранее. Так же как и то, что никто, кроме Зилова, не спасет Зилова. Даже если и состоится пресловутая охота на диких уток, на которую под улюлюканье окружающих в течение всей пьесы собирается Зиллов. Ничего не решит эта охота.

Ибо самое страшное современное — Зиллов против Зилова.

Обыкновенную жизнь переломить необыкновенным образом, и на сломе, как на сломе металла, обнаружить крупинки смысла, существа дела — вот что умеет Вампилов. В «Утиной охоте» этому помогают еще и наплывы-картинки большого воображения героя. Они перекрещиваются с реальностью, по-своему комментируют ее, то вскрывая ее смысл, то, наоборот, смешивая несоединимое, путая. Кстати, это единственный случай в практике Вампилова, когда им применяется то, что мы называем внешним драматургическим приемом. Как правило, его остросовременные пьесы написаны во вполне традиционной манере.

К «УТИНОЙ ОХОТЕ» я добавила бы две пьесы одноактные, объединенные автором и поставленные театром «Современник» как спектакль «Провинциальные анекдоты». Это — «Случай с метранпажем» и «Двадцать минут с ангелом». Первая — шутка, анекдот. Администратор в гостинице, нахамив одному из презжиков, так нагнул непонятного слова «метранпаж» (было записано как профессия постояльца), что чуть не... Вторая — тоже анек-

дот и тоже шутка. Наутро после серьезной выпивки два командированных, проживающих в гостинице, с балкона просят у проходящих абригенов денежной помощи. Когда же никто неизвестный приносит им сто рублей, они его связывают. Взрывается страх, панический страх перед непонятным, неизвестным. Перед неожиданным добром. Лучше умереть, лучше в тюрьму посадить человека, чем терпеть это непонятное, неизвестное, вырвавшееся из повседневности.

Здесь, в двух немудрящих, казалось бы, драматических анекдотах, снова встает жесткий и сильный писатель. Бытописатель который дает театру «Современник» (режиссер В. Фокин) возможность взрывать этот быт и показать нравственные коллизии, опасные в своей беспощадности. И если в других постановках Вампилов предстал добрым или наивным, здесь весь спектакль пронизан яростью борьбы с мечанством, трусостью, подлостью.

Разный он, Вампилов, на московской сцене.

Правоммерно ли сейчас говорить о «театре Вампилова»? Не рано ли? Думаю, не рано. В нашу драматургическую литературу, так же как иркутский журналист Александр Вампилов, пять десятилетий приходили и приходят молодые люди со своим внутренним театром. Это нельзя уклончиво называть театральными взглядами или сценическими пристрастиями. Театр есть театр. Так пришел Арбузов с «Таней». Чепурин спектаклем «Сталинградцы». Приходят и сегодня в драматургию новые люди. И это счастье, если они приносят свой театр.

Судьба драматургии Вампилова во многом связана с сегодняшней сценической трактовкой его пьес. Что привлечет в них театры? Сумеют ли они разобрататься в серьезных противоречиях творчества Вампилова и выявить ведущую тему его драматургии — тему добра, любви к людям и утверждения жизни или ограничатся иллюстрацией порой уродливых, порой анекдотических ситуаций, на которых строятся сюжеты пьес? На театральную ответственность — станет ли творчество молодого писателя полезным современным зрителям, поможет ли им мудрее, зорче смотреть на жизнь. А ведь именно об этом мечтал, ндя в искусство, Александр Вампилов, уроженец далекого села Кутулик Иркутской области.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ТАКОЙ РАЗНЫЙ АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ...

На спектаклях московских театров

суете, когда и спешить вроде некуда, а все дела, дела... Люди в этом спектакле сходятся-расходятся как бы случайно. Спектакль о том, что случилось прошлым летом в Чулимске, — это прежде всего история любви, принесенной в жертву равнодушию и победившей равнодушие.

По сцене театра в окружении множества людей, изображаемых с большой мерой подлинности, бродят, словно потерянные, два человека. Это следовательно Шаманов (которого артист С. Любшин играет точно, изящно, умно), прибежавший сюда как в добровольную ссылку. Он из тех, кто «не понят». Он самолюбиво обиделся на жизнь, которая в лице коллег по суду не оценила его труд. Но поскольку обижаться на жизнь смысла не имеет — ей-то это и невдомек, — талантливый юрист оказался в Чулимске. Почти на покое. А рядом существует девочка. Мы встречаемся с ней, когда она, в соответствии с ремаркой пьесы, в очередной раз поправляет загорodочку у цветника, который регулярно вытаптывают прохожие. Вампилов чужд прямой и наглядной символики. Но эти цветочки, которые обаживает полудетская рука, неизбежно напоминают о первом человеческом цветении. А то, что их топчут... Но не навязываем ли мы Вампилову придуманную, наглядную, а потом и плоскостную образность?

Роль Вали, официантки из чайной, составляющую как бы центр пьесы, режиссер В. Андреев поручил совсем юной актрисе Т. Шумовой. Высокая, тоненькая, она и по сцене театра ходит, как ее Валентина по улицам Чулимска, — вся светящаяся, вся в ожидании чуда. Замысел режиссера был поставить в центр натуру светлую, жаждущую добра. И сильную. Потому что в финале этой печальной истории именно Валентина оказывается самой сильной. Сильной и стойкой. Так Андреев еще раз доказывает нам

пилова», в его первом произведении еще только угадывается. Московский театр имени К. С. Станиславского так и исполняет эту пьесу, как звонкий репортаж о молодости. Спектакль, поставленный А. Товстоноговым, показывает нам несколько наивное восприятие писателем мира. Пожалуй, среди исполнителей наиболее точно угадали «вампиловские» Филозов и Ю. Грозинские (оба играют роли чеховские). Остальные падают в привычной атмосфере молодежной драматургии.

Мне, правда, кажется, что в «Прощании в июне» заложены зачатки другого, зрелого произведения Вампилова — «Утиной охоты». Во всяком случае, происхождение инженера Зилова можно попробовать искать в биографии студента Колесова. Если так, то и эту пьесу можно было бы читать иначе... Правда, это только предположения!

Однако если пойти дальше, то в каждой из пьес Вампилова есть что-то из «Утиной охоты». В каждой есть предвосхищение истории ее героя, Виктора Зилова, человека, потерявшего себя. Причем потерявшего в отвлекающем благополучии обыденности. Между работой, не требующей особенного умственного напряжения, легко доставшейся новой квартирой, верной чуткой женой.

Плохой или хороший человек этот Зиллов? Как и все характеры в драматургии Вампилова, он многозначен. Объемен. Неожидан. Все проявления, в которых обнаруживает перед нами своего героя писатель, ну... почти отвратительны. Но каждый раз, когда еще еще через мгновение Зиловым будет совершен поступок (проступок, с наших нравственных позиций), мы ждем перелома, метаморфозы, прозрения. Всегда. Каждый раз. Щелочка доброты, честности, великодушия вот-вот раздвинется, и хлынет на нас то, что могло быть сущностью Зи-